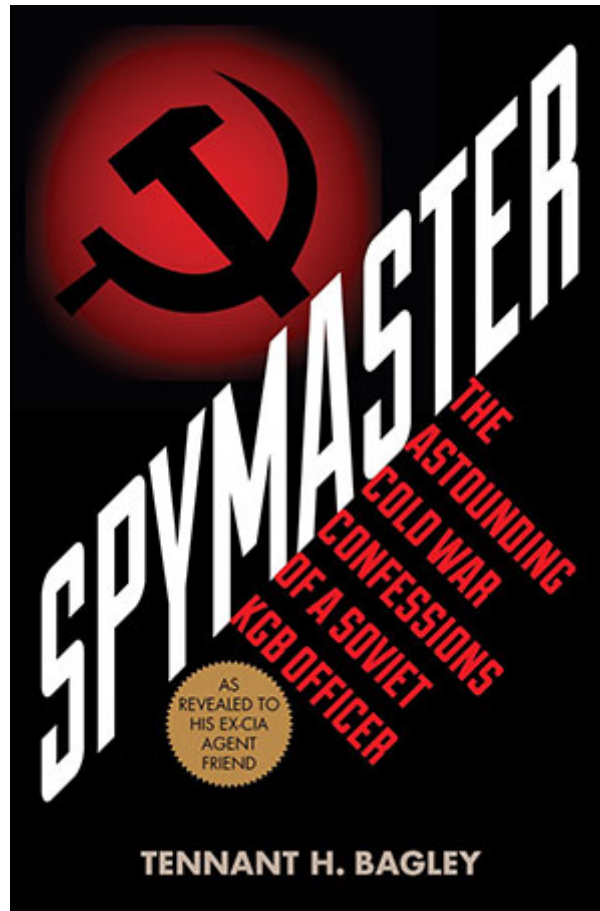


Теннент Бэгли

НАЦИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ КГБ



(сокращенный перевод с английского)

Отрывок из книги: Tennant H. Bagley Spymaster: Startling Cold War Revelations of a Soviet KGB Chief, (Skyhorse Publishing, 2013)

Книга написана бывшим сотрудником ЦРУ США Теннентом «Питом» Бэгли на основе его бесед с видным советским разведчиком, генерал-лейтенантом КГБ в отставке Сергеем Александровичем Кондрашевым (1923-2007).

Глава десятая: нацистское подполье КГБ

Мы оба, и Сергей Кондрашев, и я с наслаждением проводили наши долговременные командировки в Вене и иногда, вспоминая о них, говорили о связанных с этим городом удовольствиях. В один солнечный день в ресторане

«Брюссель» на открытом воздухе мы вспоминали о венских трактирах «хойригер», тех домашних ресторанах и садах с их молодым белым вином. Когда наши воспоминания снова вернулись к нашей работе, и мы завели разговор о воспоминаниях для его автобиографии, Сергей сказал мне кое-что, что напомнило мне о том, насколько строго КГБ хранил свои тайны в пределах узкого круга тех, кто действительно обязан был об этом знать. – Я боюсь, что ваш КГБ действительно работал намного лучше, чем мое ЦРУ, – заметил я.

Сергей рассеянно кивнул, его мысли все еще крутились вокруг наших воспоминаний о Вене, и он пробормотал: – Как в тот день в «хойригере»...

Он сидел за столом в Гринцинге, винодельческом пригороде Вены, и рассказывал, как неподалеку оттуда в лесу разворачивалась некая глубокая интрига КГБ. И даже он – местный резидент КГБ – не имел права знать об этом.

В тот день мы не стали развивать эту тему, но позже, когда я спросил, он рассказал мне несколько больше, хотя это объяснение было слишком опасным, чтобы стать частью его автобиографии. Но эта история заслуживала того, чтобы ее рассказать.

* * *

Роль Кондрашева в этой истории началась в Москве в феврале 1957 года, когда руководитель управления нелегальной разведки КГБ генерал Александр Коротков отвел его в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Они оба должны были вскоре уехать из Москвы, Сергей – чтобы стать представителем и действующим руководителем венской резидентуры КГБ, а Коротков – чтобы возглавить огромный аппарат КГБ в Восточном Берлине.

- Послушай, Сергей, – сказал Коротков, – я собираюсь провести одну очень важную встречу в Вене, и мне там понадобится твоя помощь. Но только твоя – больше я никому не могу довериться. И ты никому не должен говорить об этом ни здесь, ни в Вене.

Два месяца спустя Коротков скрытно появился в Вене, не предупредив об этом ни советское посольство, ни резидентуру КГБ. Сергей подобрал его на одном углу улицы и, следуя его указаниям, поехал в Венский Лес в район Трайскирхена. Коротков указал на место, где Кондрашев должен был подобрать его спустя ровно четыре часа. Он разъяснил, что Кондрашеву нужно будет делать, если Коротков не появится вовремя в этом месте, включая и то, как именно следует поднять тревогу в Москве. Немного проехав дальше, Саша попросил Сергея остановиться и вышел из машины. Кондрашев продолжил свой путь к «хойригеру» в Гринцинге, пообедал там, совершил дли-

тельную прогулку, затем в предписанное время поехал к месту, где его должен был ждать Коротков.

Коротков запрыгнул в автомобиль, и сказал Сергею лишь то, что все прошло хорошо, но не сообщил больше никаких подробностей. И Сергей тоже больше никогда, вплоть до нашего обеда в ресторане «Брюссель» почти пятьдесят лет спустя, ничего не говорил о своей тогдашней кратковременной роли шофера и сигнала предупреждения для Короткова.

Здесь на самом деле действовало правило строгой «герметизации». Сергей принадлежал к высшему руководству австро-германского отдела, когда Коротков попросил его сыграть некоторую роль в поддержке некоторого связанного с Германией мероприятия, и его, руководителя резидентуры КГБ в Австрии, в то время, когда там происходило это самое мероприятие, тем не менее, даже не посвятили в детали. И при этом не имело никакого значения, что тот самый Коротков настолько хорошо доверял ему, что поручил именно Сергею сделать эту работу. Не имело значения и то, что они, давние коллеги, совсем недавно вместе находились под огнем во время венгерской революции 1956 года. Если бы Коротков, известный своей немногословностью, хотел бы рассказать ему больше, то он рассказал бы.

Теперь я спросил Кондрашева о том, о чем он не рискнул спросить Короткова: какое же мероприятие в Вене могло бы быть настолько секретным?

- Как я уже говорил, – ответил Сергей, – он так никогда и не сообщил мне никаких подробностей. После краткой паузы он добавил: – Но вы же знаете о Короткове.

Очевидно, Сергей знал больше, чем говорил. Я насмешливо взглянул на него.

- Он встречался с каким-то немцем, – сказал Сергей, – с кем-то из тех, с кем он сотрудничал задолго до того. Явно взвешивая, насколько далеко он может зайти в своем рассказе, он добавил: – Кое-кто из них были бывшими нацистами. Они были контактами, о которых знали и которых координировали только на высшем уровне нашей службы.

Я не стал настаивать. Мы подошли очень близко к ответу, возможно, даже ближе, чем ожидал сам Сергей. Я ведь не только «знал о Короткове», но я также знал и кое-что об этих контактах с нацистами. По удивительному совпадению я лично получил информацию от не менее чем трех из горстки людей во всем мире, которые, возможно, что-то знали об этом вопросе. Теперь я понял, почему Коротков скрыл свою тайну даже от Сергея. Как вы увидите, КГБ скрывал самого кровавого нацистского военного преступника и исполь-

зовал его и других видных выживших нацистов в качестве послевоенных инструментов против бывших союзников Советского Союза во Второй мировой войне.

Что-то вроде легенды в КГБ, Александр Михайлович Коротков к 1957 году на протяжении уже почти четверти века занимался немецкими делами и был ведущим оперативным офицером КГБ в этой сфере. Высокий, голубоглазый, темноволосый и солидный, он внушал благоговейный страх, но иногда вызывал раздражение своим характером и нетерпимостью к возражениям. Часть критики в его адрес исходила от ревности, как считал Сергей. Действительно, мало кто мог похвастаться таким списком достижений как у Короткова. Он руководил значительной частью операций КГБ против Германии до войны, во время войны, и после нее. Он контролировал самых секретных разведчиков КГБ, нелегалов, так долго, что его биограф после Холодной войны назвал Короткова «Королем нелегалов». Когда он уже стал заместителем начальника внешней разведки, его рассматривали в качестве потенциального председателя КГБ.

Еще более яркий своеобразный для КГБ свет исходил от его более ранних дел, начиная с середины 1930-х годов. Коротков был нелегалом во Франции, и, как говорили, сыграл свою роль в убийствах невозвращенца из КГБ Георгия Агабекова и помощника Льва Троцкого Рудольфа Клемента. В Берлине военной поры, действуя под прикрытием советского торгового атташе по имени Александр Эрдберг, он руководил основными членами знаменитой теперь разведывательной сети «Красный Оркестр» («Красная Капелла»). Даже после того, как Германия вторглась в Россию в июне 1941 года, и Короткова с другими советскими чиновниками интернировали, он, как считалось, обманул своих охранников, добившись предоставления ему короткого свободного времени, что позволило ему встретиться с важным агентом «Красного Оркестра» Гретой Кукхоф. После того, как его репатриировали в Россию в ходе немецко-советского обмена интернированными, он выполнял задания КГБ в Афганистане и Индии и стал руководителем германского отдела во время войны. Он, как говорят, завербовал и подготовил несколько немецких военнопленных, которых в качестве агентов десантировали в немецком тылу, причем, по крайней мере, одного из них забросили даже прямо в Берлин. Он также проверил множество других военнопленных на предмет их возможного послевоенного использования в интересах КГБ.

Среди руин немецкой столицы Коротков помогал подготовке процедуры немецкой капитуляции. (На одной фотографии того времени его можно увидеть позади фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, подписывающего акт капитуляции.) Он работал с Иваном Серовым и рядом со СМЕРШем Виктора Аба-

кумова, захватывая досье и кадры нацистской разведки – материал для будущих операций КГБ.

* * *

Когда Сергей Кондрашев заметил, «Вы же знаете о Короткове», он напомнил мне, что управление нелегальной разведки Короткова (отделенное от «географических» отделов КГБ) занималось особо деликатными операциями. Под его крылом время от времени осуществлялись и такие дела, как убийства и похищения за границей. И замечание Сергея также указало мне на хорошо известную работу Короткова в нацистской Германии.

После Сталинградского и Курского сражений 1943 года и после высадки союзников в Нормандии год спустя, любому рационально мыслящему члену руководства нацистской Германии стало ясно, что поражение немцев неизбежно. Каждому следовало подумать о том, что ему делать, когда наступит конец, и самые скомпрометированные из них не могли ожидать прощения за свои преступления. Некоторые подумывали о самоубийстве и готовили себе таблетки цианида. Другие собирались укрыться под чужими именами, подготавливая документы, маскировку, и даже прибегая к пластической хирургии. Некоторые, в одиночку или вместе с другими, с использованием зарубежных контактов и денежных фондов немецкой разведки, готовили запасные выходы (которые стали потом известны как «крысиные ходы»), и прятали золото и другие ценности в укрытиях в отдалённых районах австрийских Альп, во франкистской Испании и в Южной Америке. Другие рассматривали возможности организации после войны групп боевиков, чтобы поддерживать горение нацистского пламени и осуществлять диверсии против оккупантов, вроде ставших весьма знаменитыми подразделений «Вервольфа» («Оборотня»), которые, как ожидалось, должны были наносить свои удары из укрытий в баварских горах – но на самом деле никогда ничего подобного так и не сделали. Еще одни пытались зондировать мирные переговоры через нейтральные страны, или старались установить секретные контакты с вражеским Востоком или вражеским Западом – чтобы спасти свою шкуру.

Сотни немецких военных преступников сбежали и выжили. Им помогли убежать и обосноваться за границей сторонники нацистов в правительствах некоторых стран, вроде Испании Франко, Аргентины Перона, и Парагвая Стресснера, им также оказывали помощь немецкие эмигранты и даже структуры Католической церкви. Некоторые, как Адольф Эйхман, были, в конце концов, найдены и отданы под суд. Другие долго избегали международного розыска, и, как «доктор смерти» Освенцима Йозеф Менгеле, умерли несколько десятилетий спустя в результате несчастного случая или естественной смертью.

В ходе этого процесса развились не связанные друг с другом организации, целью которых было не только облегчить спасение и выживание бывших нацистов, но также и сохранить нацистскую идеологию и восстановить ее у власти в возможном Четвертом Рейхе. Эти союзы и организации были описаны во многих романах, прежде всего у Фредерика Форсайта в «Досье ОДЕССА» (это название ODESSA является акронимом слов Organisation der Ehemaligen SS-Angehörigen или Организации бывших членов СС). Некоторые организации, как говорили, взяли себе другие имена, такие как «Die Spinne» – «Паук». Уже в 1960-х годах некоторые из них нашли себе уютное местечко, прочно устроившись в крайне правых политических партиях или исследовательских организациях. Одной из таких структур было занимающееся спасением нацистов «Общество в Аргентине для приема европейцев» (SARE), созданное в 1948 году, чтобы обеспечить «визы и ресурсы для иммиграции» для сотен прибывающих военных преступников и нацистских коллаборационистов.

* * *

Истории о бегстве немецких нацистов достаточно хорошо известны. Но в тайне до сих пор остается, однако, их советская оборотная сторона.

Фактически Советы узнали о том, что стало своего рода послевоенным нацистским подпольем – и использовали его в своих собственных целях. Сам тот факт, что КГБ сделал это, и подробности того, как именно он это сделал, в значительной степени остаются неизвестны истории. Фрагменты этой истории просачивались наружу, некоторые исходили из надежных источников, но Москве всегда удавалось дискредитировать их как «необоснованные предположения». Полная правда, даже сегодня, была бы чрезвычайно неудобной для российского режима.

Именно поэтому Александр Коротков не хотел рассказывать никаких подробностей своему партнеру, давнему и доверенному коллеге Сергею Кондрашеву. И это объясняет и то, почему больше чем полвека спустя, Кондрашев только неосторожно упомянул мне об этом и после этого не хотел ничего больше рассказывать.

Весьма скверный факт – КГБ, ничего не говоря своим союзникам по войне, тайно внедрялся в массовое бегство нацистов из Германии, брал под свой контроль одну или более нацистских эмигрантских организаций, и управлял этими структурами по классическому принципу «чужого флага», оперируя ими как невольными инструментами в своей Холодной войне против Запада.

Этой операцией руководил Александр Коротков, которому помогал, без сомнения, очень ограниченный круг его коллег в его управлении нелегальной разведки.

Захват Красной армией Германии в 1945 году принес с собой всесильную службу военной контрразведки Сталина, знаменитый СМЕРШ. Под командованием Виктора Абакумова СМЕРШ арестовывал нацистских чиновников, ученых, и специалистов по оружию и военной технике и отправлял их в Москву для допроса – где их ожидала совсем разная судьба. Некоторые военные преступники были казнены. Другие были приняты на работу для разработки нового вооружения. Третьи были завербованы СМЕРШем Абакумова и германским отделом Короткова, чтобы служить разворачивающейся борьбе Советов против капиталистического Запада. КГБ настолько успешно скрывал эту деятельность даже внутри своих собственных рядов, что даже после ареста Абакумова в середине 1951 года об этом только неопределенно перешептывались в германском отделе КГБ как о «наследстве Абакумова».

На верхушке этого скрытого «оружия» был сам руководитель Гестапо Генрих Мюллер. И не имело значения, что на нем была вина за некоторые из самых ужасных преступлений нацистской Германии. Это он завизировал «окончательное решение еврейского вопроса» как непосредственный босс его исполнителя Адольфа Эйхмана. Не играло роли и то, что он в соответствии с подписанными его именем инструкциями был виновен в гибели евреев во многих странах. Еще более удивительным представлялось последующее использование КГБ этого человека ввиду того, что именно Гестапо-Мюллер руководил массовыми убийствами, пытками и самым жестоким обращением в беспрецедентном масштабе на оккупированных нацистами территориях самого Советского Союза. Возможно, из всех нацистских военных преступников он менее всего заслуживал снисхождения, и он также относился к наиболее разыскиваемым из них: он и Мартин Борман находились на самом верху послевоенного списка «наиболее разыскиваемых» преступников, составленном союзниками.

Но людей в высшем руководстве СССР это не беспокоило. Они не только скрыли от своих союзников по войне факт того, что Гестапо-Мюллер остался в живых, но они также в течение многих лет использовали его против них.

Тут нужно заметить, что это правда, что и Запад тоже использовал в своих целях некоторых нацистов помимо обычных послевоенных допросов. В течение двух с половиной лет американский Корпус военной контрразведки (Си-Ай-Си) использовал гестаповского «Лионского мясника» Клауса Барби в качестве источника информации о коммунистах во Франции и помог ему убежать в 1951 году в Южную Америку, чтобы он смог избежать ареста со сто-

роны французов. (Однако американцы в дальнейшем не поддерживали с ним никаких контактов и даже не думали использовать его для вербовки других нацистов в интересах американской разведки, и, в конце концов, он был выдан Франции для суда и тюремного заключения.) Спонсируемая американцами Организация Гелена, которая затем превратилась в БНД (Федеральную разведывательную службу) Западной Германии, включила в свой штат несколько бывших нацистов – эсесовцев и сотрудников службы безопасности СД с весьма сомнительной, даже предосудительной военной карьерой.

Но операции КГБ были в целом совсем другого плана. КГБ использовал самых высокопоставленных и самых разыскиваемых военных преступников, чтобы завербовать других из их числа в ходе долговременной пронацистской операции, которая сделала КГБ, в конечном счете, их соратником в подготовке «Четвертого Рейха».

Если другие нацистские лидеры покончили с собой или сбежали из Берлина 29-30 апреля 1945 года, в последние дни войны, то Генрих Мюллер вышел из бункера Гитлера на день раньше, заявив некоторым из своих коллег – к их удивлению – что он даже не собирается попытаться сбежать из города. Он намеревался остаться – и ждать.

У руководителя Гестапо была хорошая причина видеть в приближающемся к столице Рейха КГБ своих старых друзей. Он установил хорошие отношения с ними уже в 1937 году, получал и передавал ценную информацию во время секретных переговоров, готовящих Договор Молотова-Риббентропа в августе 1939 года, и проводил с ними совместные операции в 1940 и 1941 годах с целью подавления сопротивления на оккупированных соответственно Германией и СССР территориях разделенной Польши. У него уже давно были прокоммунистические суждения, которые он раскрыл в 1943 году шефу нацистской разведки (СД) Вальтеру Шелленбергу, у которого кроме того была причина полагать, что Мюллер установил радиосвязь с Советами к 1943 году.

И действительно вошедшие в Берлин подразделения контрразведки Абакумова подобрали Мюллера и допросили его в Москве, но вместо того, чтобы наказать его как наихудшего из военных преступников, завербовали его для тайной работы и переправили в Южную Америку.

К 1952 году Мюллер вернулся в Россию, в тюрьму и на допросы КГБ. Это было время «Дела Абакумова», когда служба безопасности тщательно расследовала все действия Абакумова. После смерти Сталина в марте 1953 года большинство арестованных, за исключением самого Абакумова, было освобождено и возвратилось к работе. Очевидно, Мюллер тоже был среди них.

* * *

Хотя Сергей Кондрашев отказался рассказать мне о послевоенном использовании Мюллера в КГБ, я, будучи сотрудником ЦРУ, услышал об этом еще в 1954 году от майора КГБ Петра Дерябина, и снова в 1958 году благодаря анонимным письмам, которые я получал от высокопоставленного сотрудника государственной безопасности коммунистической Польши Михала Голеневского. После Холодной войны я самостоятельно смог узнать еще больше.

Уникальное положение Голеневского позволяло ему узнать то, что знали очень немногие. Он узнал, что Абакумов завербовал шефа Гестапо в Данциге, Якоба Лёльгена, который оказался вовлеченным в ранние фазы Организации. Чтобы контролировать ее, Абакумов завербовал и других нацистских чиновников, взятых в плен во время наступления Красной армии к Берлину. Через Лёльгена Абакумов вошел в контакт с Гестапо-Мюллером уже в 1943 году. Голеневский далее сообщил, что Мюллер, наряду с руководителем нацистской партии Мартином Борманом, работающим под советским контролем, стал главным вдохновителем Организации.

С помощью манипулирования этой Организацией Абакумов предусматривал – а Коротков достигал – широкий диапазон целей. Влиятельные ее члены в Западной Германии, например, могли тайно помочь сотрудничающим с ними праворадикальным заговорщикам получить правительственные посты, где они, сами не зная того, действовали бы как шпионы КГБ. Другие тоже без своего собственного ведома способствовали бы достижению Советами их целей, нарушая порядок в западногерманской политике и сея недоверие внутри Западного союза с помощью праворадикальных политических организаций или провокаций, вроде рисования свастики и осквернения еврейских могил. И вербуя немецких эмигрантов под ультраправыми предложениями, КГБ стремился получить доступ к географическим районам и к другим сегментам общества, находящимся вне досягаемости его шпионажа.

Таким было «наследство Абакумова», которым Коротков управлял в большой тайне, без ведома подавляющего большинства сотрудников КГБ.

* * *

Я также узнал о сверхсекретной работе Короткова от прежнего главы государственной безопасности коммунистической Чехословакии, министра внутренних дел Рудольфа Барака.

Его посвятил в этот вопрос лично председатель КГБ Иван Серов. Серов в 1955 году сказал Бараку, что Мюллер жил и работал на КГБ в провинции Кордова на севере Аргентины, недалеко от границы с Парагваем. Бывший

руководитель Гестапо перестал слушаться указаний КГБ, не приходил на запланированные встречи с его куратором из числа нелегалов КГБ, и не отвечал на запросы. Теперь Серов хотел вернуть Мюллера, чтобы встряхнуть его и восстановить дисциплину. Поскольку Чехословакия поддерживала более активные торговые и промышленные связи с той частью Аргентины, чем СССР, что предоставляло чехам лучшие возможности для прикрытия и перемещения людей и материалов, Серов попросил Барака сделать для него эту работу.

Две эти спецслужбы совместно спланировали похищение, советская сторона, представленная Серовым и Александром Коротковым, чехословацкая – четырьмя старшими офицерами. Барак послал чехословацких оперативников в помощь тем, кто уже работал в Аргентине и Парагвае, и в конечном счете в операцию было вовлечено более ста человек. В течение почти целого года они изучали окружение Мюллера, его контакты и передвижения, и, наконец, внедрили в его круг. Как только представилась возможность, они подсыпали наркотик в его напиток, и, пока он был без сознания, связали его, затащили в автомобиль, а затем погрузили его в чехословацкий самолет в закрытом ящике, под видом возвращающихся в Чехословакию для ремонта деталей машин.

Мюллера на самолете привезли в Прагу, где, как Серов договорился с Баракком, КГБ должен был взять его под свой арест и вернуть в Советский Союз. Он был помещен в тюрьму Рузине, где высокомерно сопротивлялся допросу Барака. Но старший советник КГБ при чехословацкой государственной безопасности Фотий Васильевич Пешехонов заверил Барака: – Не беспокойтесь об этом.

Мюллер был наш в течение долгого времени, и он будет, конечно, снова работать на нас.

Представители КГБ полетели в Прагу, чтобы принять его, и Мюллера ввели в кабинет министра. Боковая дверь открылась, и вошел самый главный гость из КГБ. Это был Александр Коротков.

Глаза Мюллера засветились признанием и облегчением. Он поднялся со своего стула, как будто хотел обнять Короткова, который с раздражением сделал шаг назад и резко приказал Мюллеру сесть. Перекинувшись с Баракком лишь несколькими словами и совсем не разговаривая с Мюллером, Коротков сопроводил прежнего руководителя Гестапо в наручниках в зал, где его ждали два других сотрудника КГБ. Их отвезли прямо в аэропорт, где их ждал самолет на Москву.

В свете этих фактов становится понятным и нежелание Короткова довериться Кондрашеву, и нежелание самого Кондрашева рассказывать об этом мне. И мы можем также понять, почему об этих контактах «знали и координировали их только на высших уровнях» КГБ. КГБ подвергал себя очень большому политическому риску даже одним тем, что скрывал таких видных военных преступников, не говоря уже об использовании их против бывших союзников по войне.

Чтобы скрыть этот обман Советы предпринимали постоянные и порой контрпродуктивные усилия. Сначала они распространяли истории, будто Мюллер погиб в конце войны, и даже отметили одну или две могилы камнями с его именем. Затем, по мере того, как Запад все более и более узнавал о том, что Мюллер все еще мог бы быть жив, например, благодаря тому, что в могилах, которые считались местами погребения Мюллера, были найдены кости, которые никак не могли принадлежать этому видному нацисту, Советы принялись распространять в прессе истории, чтобы отвлечь внимание общественности на использование нацистских военных преступников самим Западом. Поддерживающий связи с СССР внештатный журналист, использующий псевдоним Петер Шталь, начал в 1963 году в Германии распространять статьи, «доказывающие», будто Мюллер скрывался в различных странах. Год спустя одну или две из этих статей опубликовали в одном популярном немецком журнале.

Но и этого было недостаточно. В 1980-х годах Шталь поставил свое имя, или скорее другой из его псевдонимов, «Грегори Дуглас», на сфабрикованной и подробной биографии Мюллера. Изданная, в конце концов, только после краха Советского Союза, в четырех усердно написанных томах она одним своим существованием свидетельствует о том, насколько сильно Советы были обеспокоены тем, чтобы скрыть тот факт, что они защищали и использовали одного из самых разыскиваемых военных преступников. Основанная якобы на допросах Мюллера в Швейцарии, которые проводило ЦРУ в 1948 году – чего никогда не было – книга «доказывала», будто американское ЦРУ забрало Мюллера в Вашингтон, чтобы помочь американской разведке в Холодной войне, и дало ему статус бригадного генерала в американской армии.

Человек, с которым встретился Александр Коротков на той встрече в Венском Лесу, был ведущим игроком в продолжающейся операции КГБ по работе под «чужим флагом» с нацистским подпольем.

Кондрашев не оставил в моей душе сомнений, что он думал, что это был именно Мюллер. Я прямо сказал ему об этом. – Прошло уже много лет, Сергей, и всякий раз, когда мы говорили о том дне в Венском Лесу, вы упоминали имя Гестапо-Мюллера. Каждый раз, когда мы порой упоминаем Мюллера в

любом контексте, ваши мысли снова возвращаются к тому выезду в окрестности Вены с Коротковым. Вы ведь фактически говорите мне, что человеком, с которым он тогда встречался, был Мюллер.

Сергей не отрицал этого.

Даже спустя полвека после того случая, эта тема была все еще слишком взрывоопасной, чтобы хоть как-то попасть в его мемуары. Его поездка с Александром Коротковым – эта короткая встреча Короткова с нацистским подпольем – спонтанно всплыла в нашей беседе, но она заслужила свое место в его жизнеописании как незабываемый момент его профессиональной жизни. В тот день в Венском Лесу он приблизился к одному из самых больших скандалов и одной из до сих пор нераскрытых тайн Холодной войны.

Читайте также:

[Пьер де Вильмаре. Досье Сарагоса. Мартин Борман и Гестапо-Мюллер после 1945 года](#)

[Велесова Слобода, 2014 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).